

УДК 821.061.1(091)

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XVIII ВЕКА
В РАБОТАХ Е.А. БОБРОВА****Р.А. Бакиров***Аннотация**

В статье анализируются особенности взгляда казанского литературоведа Е.А. Боброва на русский литературный процесс конца XVIII века. Производится тематическое распределение работ Боброва по трём основным блокам, каждый из которых обладает соответствующим набором индивидуальных характеристик. Сквозными категориями, определяющими своеобразие научного метода Боброва, можно считать «точечный» анализ литературных явлений, понимание учёным литературы как феномена, тесно связанного с особенностями личности писателя, а также проникновение субъективности в исследовательскую мысль.

Ключевые слова: казанское литературоведение, Е.А. Бобров, русская литература XVIII века, провинциальная культура.

Евгений Александрович Бобров (1867–1933) известен в научной среде прежде всего как философ и психолог (см. [1]). При этом значительную часть наследия учёного составляют литературоведческие исследования¹. Основной этап интереса Боброва именно к проблемам литературы связан с его работой в Казанском университете, в котором он преподавал в 1896–1903 годах в должности экстраординарного профессора философии [2]. Характерной особенностью филологических работ Боброва является их некоторая бессистемность. При весьма широком хронологическом диапазоне исследовательских интересов (он колеблется в пределах от древнерусской литературы до современных ему литературных процессов) Бобровым не были созданы ни обобщающий курс лекций по литературе, ни история какого-либо отдельно взятого периода развития словесности (учёный занимался преимущественно «точечным» изучением литературных явлений). Отдельное же (и едва ли не важнейшее) место в работах Боброва занимает русская литература конца XVIII века.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0536.

¹ Строго говоря, работы Боброва такого рода составляют более половины от всего научного наследия учёного (процентный подсчёт см. [1, с. 11]). Вопрос же об окончательном причислении Боброва к какому-либо определённому разделу гуманитарного знания (философии, психологии, истории, филологии и т. д.) остаётся открытым и, возможно, даже излишним. «Своим» Боброва могут с полным правом считать представители всех этих наук: им были написаны диссертации и множество работ по философии и литературоведению (см. [2]), отдельные труды учёный посвятил философским аспектам психологии (см. [1]) и краеведению (см. [3, 4]).

Вышеозначенные особенности исследовательской манеры Е.А. Боброва обусловили актуальность нашей работы, которая обеспечивается тремя разными факторами:

1) ориентацией современной науки на междисциплинарность, вызывающей необходимость исследования истории междисциплинарных контактов (и в этом смысле научное творчество Боброва представляет собой яркий пример подобного синтеза исследовательских методов философии, психологии, литературоведения и истории, что позволяет применить методические находки учёного в том числе и в современных исследованиях);

2) тенденцией к построению истории литературоведческой науки и на этой основе – к выявлению общих закономерностей научного процесса, введению заново в научный оборот забытых открытий литературоведов прошлого, возврату к концепциям академического литературоведения, возрождению региональных традиций в науке²;

3) интересом современного литературоведения к порубежным явлениям культуры (по аналогии с нынешним культурным процессом). В данном случае русская литература конца XVIII века представляется одним из самых обсуждаемых в современной науке моментов литературной истории, и вклад Е.А. Боброва в раскрытие её особенностей до сих пор не оценён широкой научной мыслью.

Последним фактором определяется и новизна нашей работы. Научные труды Боброва рассматривались до нас лишь в частных аспектах: о Боброве как о психологе и философе писала А.А. Хулапова; несколько работ Боброву-краеведу и Боброву-литературоведу посвятила А.Н. Ерофеева, изучения этих же аспектов вскользь касались Г.М. Залкинд, Э.Н. Валеев и др. Мы же предлагаем комплексный подход к проблеме анализа научного творчества Е.А. Боброва, и, что важно, задачей данной работы является именно цельное рассмотрение феномена русской литературы конца XVIII века в трудах Боброва (без дробления его на отдельные части) в связи с общими особенностями исследовательской манеры учёного. Кроме того, мы ставим цель ввести заново в научный оборот наиболее важные забытые или не публиковавшиеся ранее материалы работ Боброва.

Исследования Е.А. Боброва, посвящённые последним десятилетиям XVIII и началу XIX столетий, исходя из вышеупомянутого избирательного интереса учёного лишь к некоторым составляющим литературного процесса следует разделить на несколько расширяющихся тематических блоков:

- а) дополнения частного характера к биографиям писателей данного периода;
- б) изучение элементов общего культурно-исторического контекста и подтекста литературы конца XVIII – начала XIX века (в основном масонства и масонской литературы);
- в) изучение провинциальной литературной культуры (преимущественно, конечно, казанской).

---

² Ср. появление в новейшей истории науки множества диссертаций, монографий, указателей, брошюр, выполненных в рамках исследований региональных литературоведческих школ (и в частности Казанской академической школы), а также публикацию несколькими издательствами (например, в сериях «Языки славянских культур», «Академический проект») забытых или труднодоступных научных трудов. Отдельно стоит сказать о довольно активном в последнее время проникновении изданий XIX – первой половины XX века и в интернет-пространство.

Наименьшим по объёму из вышеперечисленных блоков является первый – условно его можно назвать «державинским»³. Непосредственно Державину посвящена статья учёного «Завещание поэта Г.Р. Державина» в «Варшавских университетских известиях» (Б. 1912). Здесь анализ жизни и творчества поэта сведён учёным к минимуму, что в принципе нехарактерно для бобровских работ. Свою задачу исследователь видит прежде всего в публикации завещания Державина от 30 мая 1813 года. В этом отношении Бобров вполне следует тенденциям державиноведения своего времени, когда «историки литературы конца XIX века вообще перестали заниматься Державиным-поэтом, сосредоточив своё внимание на изучении его биографии и служебной деятельности» [5, с. 3].

Бобров раскрывает обстоятельства обнаружения публикуемых им бумаг: «Печатаемая ниже копия завещания найдена нами в бумагах казанского поэта-масона Саввы Андреевича Москотильникова, которые принадлежат ныне мне. Копия эта имеет в себе все признаки подлинности (оговорены даже поправки)» (Б. 1912, с. 60). На основе этого учёный делает вывод о том, что «С.А. Москотильников имел какие-то, по видимому, близкие отношения к Державину-поэту, отношения, для меня не совсем раскрытые»⁴ (Б. 1912, с. 60). Примечательно, что, по сути, связанные с личностью Державина документы являются здесь в большей степени лишь материалом для публикации. Практически отсутствует их научный анализ: важно для учёного именно то, что найдены эти документы были среди бумаг Москотильникова. Личность полузабытого провинциального писателя оказывается для Боброва во многом важнее грандиозной персоны Державина, служащей скорее лишь фоном, неким «побочным продуктом» исследования архива Саввы Андреевича Москотильникова.

Если же говорить о втором блоке бобровских текстов о литературе рассматриваемого периода, то, например, изучение даже частного масонского контекста эпохи занимает гораздо большую часть в работах учёного, нежели исследование державинского феномена. Бобров несколько раз затрагивает масонскую тему в разных работах, при этом основное внимание он уделяет анализу и публикации новонайденных им документов тайного общества (преимущественно внутриорденских речей и песен). Однако и эта сфера раскрывается в трудах учёного сквозь призму истории провинциальной литературы. Например, в статье «К истории русского масонства» Бобров обрисовывает предысторию своего исследования также с упоминанием москотильниковского архива: «Известный казанский деятель Савва Андреевич Москотильников принадлежал к числу масонов. По свидетельству его наследницы, Прасковии Константиновны Проскуряковой, С.А. перед смертью уничтожил много бумаг, в том числе, кажется, масонские. Однако, кое-что осталось и после смерти, но, к сожалению, распропало. Уцелело в бумагах С.А. Москотильникова несколько лишь листочков, относящихся к масонству. Зато их содержание весьма любопытно. Сохранились две

³ В этом плане Бобров значительно отстаёт, например, от другого представителя Казанской школы академического литературоведения – А.С. Архангельского, в работах которого сложился цельный взгляд на Г.Р. Державина (см. [6]), и от некоторых других казанских литературоведов (см. [7]).

⁴ Вопрос о взаимоотношениях Державина и Москотильникова до сих пор остаётся невыясненным и ещё ждёт своего исследователя. С некоторой вероятностью мы можем предположить, что завещание могло оказаться в руках Москотильникова не только вследствие его «близости» к великому поэту, но и по служебным делам: Москотильников как чиновник казанского магистрата мог быть одним из исполнителей этого завещания.

масонские песни, одно стихотворение и масонская речь» (Б. мас. 1902, с. 101–102). Именно эти «листочки» Бобров и публикует с собственными комментариями.

Примечательно в этих комментариях характерное для историко-литературных работ учёного проникновение исследовательского голоса в научный текст. Субъективность здесь проявляется, например, в ярко выраженном коннотативном фоне выбираемых Бобровым лексических единиц при оценке материала: «Довольно убогие вирши “Моя молитва” изображают положение неофита или новичка в делах масонства, который с нетерпением спешит проникнуть в орденские тайны, но пока ещё не удостоивается полного доверия и принятия в число братьев» (Б. мас. 1902, с. 105). Однако, как мы увидим далее, оценочность в ещё большей степени выражена в работах Боброва, посвящённых конкретным личностям в истории литературы. В исследованиях же описательного свойства или при анализе анонимных текстов субъективность сведена к минимуму и проявляется прежде всего в определении места произведения по его «качеству» в литературной иерархии.

Масонский мотив проявляется в научном творчестве Боброва-литературоведа и при анализе жизни и произведений ведущих казанских писателей конца XVIII века. Упоминание масонства в таких работах носит детерминирующий характер – именно деятельность этого общества, по мнению учёного, сыграла решающую роль в становлении творческого мировоззрения С.А. Москотильникова и Г.П. Каменева. Относительно последнего Бобров говорит, что именно «С.А. Москотильников, привлёкший его в круг своих знакомых... не мог не ознакомить его и с масонством, которое составляло главный умственный и сердечный интерес самого Москотильникова. <...> И будучи в Москве, Каменев вращается почти исключительно в масонском кружке и через масонов вообще попадает в круг литераторов» (Б. 1902, с. 192–193).

И в другой работе читаем: «Рука Москотильникова поддерживала злосчастного юношу среди ада его семейной жизни, среди разнообразных нравственных и физических мучений, преследовавших его; Москотильников научил Каменева находить себе утешение в области искусства слова. Москотильников же сделал для Каменева и ещё большее: он ознакомил его с серьезным взглядом на жизнь – с тем взглядом, какой разделял он сам со старшими поколениями московских масонов, учеников Шварца» (Б. 1905, с. 34). Масонство выступает в бобровских трудах не как сугубо умозрительное идейно-философское направление общественной мысли, а как комплекс вполне реализованных в жизни принципов, сыгравших значительную роль в становлении личности и творчества определённого писателя. Здесь учёный предельно близко подходит, например, и к раскрытию сущностных особенностей феноменов житетворчества и масочности. Особенным образом это касается исследований Боброва, посвящённых казанскому литератору Гавриилу Петровичу Каменеву (1772–1803).

Основным текстовым материалом, который анализирует Е.А. Бобров, является эпистолярное наследие Каменева, наиболее сложная с точки зрения поэтики разновидность каменевского текста. С характерным для жанровой формы письма документализмом здесь сочетаются развёрнутые элементы художественности. Исходя из этого процесс взаимодействия биографического и творческого материалов в исследованиях Боброва на эту тему необходимо понимать

диалогически: с одной стороны, в работах, посвящённых в большей степени биографии автора, синхронические литературные примеры служат или для раскрытия душевного состояния Каменева в определённый период жизни, или даже для реконструкции неизвестных событий; с другой стороны, при анализе творчества писателя Бобров активно пользуется биографической его мотивировкой.

Биографический элемент в этом смысле вообще является одним из важнейших для Боброва. В частности, особенное внимание исследователь уделяет молодым годам Каменева: бурная молодость поэта («Пил и развратничал Каменев, по обычаю всех богатых купеческих сынков, да ещё попавших в компанию тогдашних провинциальных молодых дворянчиков. <...> Очевидно, в брак он вступил, уже значительно поизносившись» (Б. 1902, с. 192)) приводит к тому, что постепенно его «здоровье слабло и разрушалось, а меланхолия, спутница душевного вырождения и неуравновешенности, надвигалась на поэта всё ближе и грознее» (Б. 1905, с. 11). Интересны и размышления учёного (вспомним ещё раз Боброва-психолога) о причинах такой психической нестабильности поэта, доставшейся ему по наследству: «Если отец и передал своему сыну-поэту что-либо из своей физической организации, то это не слабость здоровья вообще, а некоторую нервную расшатанность, которая, являясь в дальнейшем потомстве признаком дегенерации, не мешает проявлению сильных талантов (каким и обладал Гавриил Петрович), но зато вносит в баланс психики “неуравновешенность”. Неуравновешенность есть уже преддверие психического расстройства и выражается, прежде всего, в органической склонности к меланхолии и ипохондрии» (Б. 1905, с. 10).

С этой точки зрения учёный сопоставляет особенности авторских инстанций Каменева и его гораздо более известного современника, одного из зачинателей русского сентиментализма – Н.М. Карамзина, приходя к довольно парадоксальному выводу: «сентиментализм у Карамзина был скоропреходящим и поверхностным налётом на его довольно-таки прозаической и позитивной натуре. Пожав лавры на литературном поприще, Карамзин сбрасывает “чувствительность” и обращается к “сочинению” русской истории. У Каменева заимствованный им у немцев сентиментализм вполне соответствовал его мягкой натуре и являлся у него не маскою, а искренним и естественным духом его произведений»⁵ (Б. 1905, с. 37–38).

Дальнейшее же литературное развитие Каменева также, по мнению Боброва, связано с глубинными психологическими особенностями казанского поэта. Именно личностные качества представляются Боброву «первичным материалом» и при мотивировке отношения творчества поэта к определённому литературному направлению: «Каменев не мог не примкнуть, он должен был примкнуть к романтизму, который как нельзя более соответствовал его собственному мрачному, даже отчаянному настроению духа. <...> Романтическая поэзия давала обильную пищу для этой сумрачности, всё более овладевавшей Каменевым» (Б. 1905,

⁵ Ср. сходные идеи о внутридигетическом повествователе и конструировании нарративной позиции в прозе Карамзина у Ю.М. Лотмана («Нужный ему образ повествователя Карамзин не мог найти готовым в литературе. Его приходилось создавать» [8, с. 231]), а также – более развернуто – в монографии Т.А. Алпатовой, целиком посвящённой этому вопросу [9]. О творчестве же Каменева как реализации феномена «личностной рефлексии» см. [10].

с. 41–42). Бобров полагает: «Меланхолия Г.П. Каменева, в конце концов, надо думать, перешла в полную душевную болезнь, окончательно подорвавшую его истощённый организм и приведшую его к скорой смерти» (Б. 1905, с. 88). Как видим, для научного метода Боброва и при оценке им деталей биографии писателя характерна вышеотмеченная субъективность, проявляющаяся, в частности, в стремлении проникнуть в «душевный мир» Каменева. При этом мы можем говорить даже о сложившейся цельной системе воззрений Боброва на искусство как комплекс проявлений психологических особенностей автора-творца⁶.

В несколько ином плане субъективный взгляд Боброва по отношению к личности Каменева вполне ясно представлен и в нескольких иронических замечаниях разного порядка. В одном из них упоминается имя Державина: «Подобно другому русскому поэту – Г.Р. Державину, Г.П. учился у немца Вюльфинга, содержавшего лучший в то время в Казани частный учебный пансион, где учился вместе с дворянскими детьми. На счёт этого учения у немца мы склонны отнести слабость Каменева в русской орфографии, очень резко бросающуюся в глаза при чтении его рукописей и при сравнении последних, например, с бумагами его друга, Саввы Андреевича Москотильникова, писавшего безошибочно и безукоризненно правильно» (Б. 1902, с. 163–164)⁷.

Однако, по мнению Боброва, как раз «ученье у немца заохотило молодого купеческого сына к изучению немецкой словесности и пробудило охоту к литературным занятиям вообще» (Б. 1902, с. 164). Здесь намечается не декларируемый Бобровым, но ассоциативно подразумеваемый своеобразный «вюльфингский детерминизм» относительно воспитания в стенах этого немецкого пансиона в конце XVIII века двух писателей, о которых Бобров скажет, что именно «благодаря Державину и Каменеву Казань играет роль в истории русской литературы XVIII в., и именами их казанцы должны гордиться» (Б. 1905, с. 1). Можно предположить, таким образом, что, по мнению Боброва, обучение у Вюльфинга положительным образом отражалось на реализации писательского таланта вообще.

Гораздо более ироничны и даже саркастичны не попавшие в печать, но сохранившиеся в машинописном черновике замечания Боброва о содержании писем Каменева Москотильникову: «Впрочем, он тут же признавался, что в Москве весело жить человеку молодому, со здоровьем, с деньгами, с друзьями и подругами. <...> Себя же поэт записывает уже в старики. Но старику – и старику не в 30, не имеющему ни того, ни другого⁸, веселее в уединенном кабинете,

---

⁶ В «программной» для его интерпретаторского метода философско-психологической работе «Отношения искусства к науке и нравственности» Бобров раскрывает особенности этого механизма: «При определении творчества и изучении такового как особенного процесса, происходящего в творческой монаде, мы неминуемо должны прибегнуть к умозрительной психологии, и в частности к тому её отделу, который трактует о способностях души. Нам приходится тщательно изучить образы проявления души и выделить искусство или творчество как одну из групп функций. Первою задачей поэтики будет определение специфического характера искусства как деятельности души» (Б. 1895, с. 9). Ср. также: «Нельзя забывать, что психически все функции координированы с субстанцией, что... существует особое всегда психическое соотношение (сознается оно или нет – все равно) между творцом и его творческой деятельностью. <...> Если образ становится сознательным, то это не означает также, что он появился из “ничего”... а то, что он, бывши бессознательным актом душевной жизни, теперь достаточно усилившись, достиг степени сознательности» (Б. 1895, с. 72). В наибольшей степени такой подход проявился при подробном разборе Бобровым жизни и творчества Д.В. Веневитинова (Б. 1901).

⁷ И далее в этой же работе критичное «Г.П. Каменев писал очень безграмотно» (Б. 1902, с. 194).

⁸ Примечание Е.А. Боброва: «NB как будто бы Каменев не имел денег!».

с пером, с книгою и с трубкой. Тут же чисто сентиментальный⁹ упрёк другу: вчерашний день поэт получил из Казани несколько писем – и ждал письма и от Москотильникова, – но тщетно! <...> Упрёк, уместный разве в у<...>¹⁰ барыш-ни, пишущей своей институтской подруге!..» (Б. № 16, л. 9).

Учитывая, что научный метод Боброва предполагал проникновение «в душу» изучаемого писателя, мы можем говорить о том, что исследователь, признавая литературный талант Каменева, по ряду причин не симпатизировал ему как личности. Исходя из вышеприведённых замечаний Боброва и сопоставляя их с моментами биографии самого учёного, мы можем предположить, что одной из основных причин такого «расхождения душ» литератора и литературоведа был финансовый момент. В частности, в своих письмах Н.Я. Гроту из Казани Бобров пишет о том, что он постоянно нуждается в деньгах и не вылезает из долгов¹¹. Очевидно, встречающиеся в письмах постоянные жалобы Каменева на жизнь (притом что он был одним из богатейших людей Казани своего времени) раздражали нуждавшегося Боброва, что и проявилось в его работах.

Оценивая литературные способности Каменева, Бобров не забывает и о его ближайшем друге, гораздо менее известном провинциальном литераторе конца века – уже не раз упомянутом выше Савве Андреевиче Москотильникове (1768–1852). Характерно, что к личности Москотильникова Бобров испытывает гораздо большее уважение, нежели к Каменеву¹². В первую очередь Москотильников важен для Боброва как чиновный и культурный деятель, сыгравший важнейшую роль в становлении казанской культуры. Этим объясняется и публикация учёным не только литературных, но и официальных бумаг из москотильниковского архива, которые могут послужить «в качестве материалов для биографии С.А. Москотильникова и для культурной истории того времени» (Б. лит. 1903, с. 198) и не освоены вплоть до наших дней [11].

К этому пласту интересов Боброва мы можем присоединить и его исследования по истории масонства, в значительной степени опирающиеся на деятельность Москотильникова как одного из руководителей казанской ложи. При этом Москотильников интересен для Боброва и как талантливый литератор: «память Саввы Андреевича дорога для всякого казанца, дорожащего культурными традициями своего города. Но нам сдается, что литературная деятельность С.А. Москотильникова, к сожалению, оставшаяся под спудом, имела значение более широкое, нежели одно только местное» (Б. 1903, с. 77). Думается, в данном случае нужно вспомнить о первичной важности для учёного личности исследуемого им автора. Творения третьестепенного писателя Москотильникова не представляют особенного «качественного» интереса и, скорее, могут быть любопытны в качестве материала для восстановления общего литературного

⁹ В этом месте к слову *сентиментальный* имеется приписка рукой Боброва: *бабий*.

¹⁰ На листе машинописи утрата – оборвано по правому краю.

¹¹ Например, в письме от 22 марта 1899 года Бобров пишет о том, что после вторичной женитьбы его «бедность и задолженность всё возрастают» (Б. № 89, л. 13); ср. также: «Среди постоянного беспокойства, чтобы достать денег, чтобы заплатить по надвигающемуся векселю и чтобы не наложили запрещения на жалованье, я работаю неослабно и упорно» (Б. № 89, л. 13 об.).

¹² Если говорить всё о том же «финансовом вопросе», то в этом отношении живший небогато, выслужившийся честной службой из чиновных низов и скончавшийся в бедности Москотильников, видимо, был «понятнее» Боброву, чем Каменев.

фона эпохи. Однако высоконравственная и во многом, видимо, близкая Боброву личность забытого поэта вызвала большой интерес к нему со стороны исследователя.

Итак, мы можем говорить о неравномерном распределении внимания Боброва-литературоведа к проблемам русской литературы конца XVIII века. Учёного в большей степени интересуют частные вопросы провинциальной культуры этого периода: характерным представляется стремление исследователя составить, следуя индуктивному принципу, цельную картину эпохи с помощью последовательного научного развёртывания её отдельных составляющих. В этом смысле именно Е.А. Боброву мы обязаны сохранением и не теряющим актуальность изучением многих элементов русской литературной культуры.

Summary

R.A. Bakirov. Late 18th Century Russian Literature in the Works of E.A. Bobrov.

This article analyzes the view of Kazan literary scholar E.A. Bobrov on late 18th century Russian literary process. According to the themes, Bobrov's works are divided into three blocks, each being characterized by a set of specific features. The following are the prevailing categories that determine the peculiarity of Bobrov's scientific method: the "spot" analysis of literary facts, the understanding of literature as a phenomenon closely linked with the personality of a writer, and the penetration of subjectivity into a research idea.

Keywords: Kazan literary criticism, E.A. Bobrov, 18th century Russian literature, provincial culture.

Источники

- Б. 1912 – *Бобров Е.А.* Завещание поэта Г.Р. Державина // Варшав. унив. изв. – 1912. – № 9 (кн. 7). – С. 60–65.
- Б. мас. 1902 – *Бобров Е.А.* К истории русского масонства // Литература и просвещение в России XIX века: Материалы, исследования и заметки. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – Т. 3. – С. 101–108.
- Б. 1902 – *Бобров Е.А.* Письма Г.П. Каменева к С.А. Москотильникову // Литература и просвещение в России XIX века: Материалы, исследования и заметки. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – Т. 3. – С. 109–170, 190–199.
- Б. 1905 – *Бобров Е.А.* К биографии Гавриила Петровича Каменева // Варшав. унив. изв. – 1905. – № 1. – С. 1–24; № 2. – С. 25–109.
- Б. 1895 – *Бобров Е.А.* Отношения искусства к науке и нравственности. – Юрьев: Печатня К. Матисена, 1895. – 82 с.
- Б. № 16 – *Бобров Е.А.* Провинциал в Москве конца XVIII века. Первое посещение Москвы // ИРЛИ (Ин-т рус. лит. РАН). Ф. 677. Ед. хр. № 16. 19 л. [1903].
- Б. 1901 – *Бобров Е.А.* Поэзия Д.В. Веневитинова в связи с его жизнью // Литература и просвещение в России XIX века: Материалы, исследования и заметки. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – Т. 1. – С. 3–82.
- Б. лит. 1903 – *Бобров Е.А.* Из переписки и бумаг С.А. Москотильникова // Литература и просвещение в России XIX века: Материалы, исследования и заметки. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1903. – Т. 4. – С. 198–253.
- Б. 1903 – *Бобров Е.А.* С.А. Москотильников как литератор // Литература и просвещение в России XIX века: Материалы, исследования и заметки. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1903. – Т. 4. – С. 75–197.

Б. № 89 – *Бобров Е.А.* Письма Гроту Николаю Яковлевичу (1894, окт. 20 – 1899, март 22) // ИРЛИ. Ф. 677. Ед. хр. № 89. 16 л.

Литература

1. *Хулапова А.А.* Историко-психологические особенности теории критического индивидуализма Е.А. Боброва: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2011. – 20 с.
2. *Воронова Л.Я.* Е.А. Бобров // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): Биобиблиогр. словарь. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 15–19.
3. *Ерофеева А.Н.* Е.А. Бобров как краевед // Г.Р. Державин в новом тысячелетии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 87–89.
4. *Валеев Э.Н.* «Судьбою прерванный полёт...»: Г.П. Каменев в русской литературе рубежа XVIII – XIX веков. – Казань: Наследие, 2001. – 136 с.
5. *Серман И.З.* Державин. – Л.: Просвещение, 1967. – 120 с.
6. *Воронова Л.Я.* Г.Р. Державин и драматургия Екатерининской эпохи в оценке А.С. Архангельского // Державин глазами XXI века (к 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 27–36.
7. *Сидорова М.М.* Личность и творчество Г.Р. Державина как предмет изучения и преподавания в Казанском университете в XIX веке // Г.Р. Державин в новом тысячелетии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 123–126.
8. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 336 с.
9. *Алпатов Т.А.* Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 560 с.
10. *Паикуров А.Н.* Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: Эволюция и типология. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 210 с.
11. *Карташова Е.И.* Наследие С.А. Москотильникова в государственных хранилищах России // Михаил Муравьев и его время. – Казань: ТГГПУ, 2010. – С. 96–103.

Поступила в редакцию
27.11.12

Бакиров Ринат Альбертович – аспирант кафедры истории русской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: rInt@ya.ru